

Казенное имущество: война, люди и вещи¹

БРЭНДОН
ШЕХТЕР

У Советского Союза был свой сценарий Второй мировой войны, причем в самом буквальном смысле: то, как будет разворачиваться следующий глобальный конфликт, было детально представлено в популярной кинокартине, полюбившейся миллионам зрителей. Лента «Если завтра война», которую режиссер Ефим Дзиган снял на киностудии «Мосфильм» в 1938 году, представляла неопределенного врага – хотя его солдаты говорили по-немецки, а нашивки напоминали свастику, пусть даже треугольную, в их uniforme сочетались французские, британские и немецкие элементы, – который подло напал на Советский Союз. По сценарию фильма эту гнусную атаку быстро сокрушают неодолимая мощь советских вооруженных сил и начавшаяся в Европе революция. Враги представляются слишком глупыми, чтобы по-настоящему угрожать и наводить страх; зачастую это седеющие мужчины в очках, лучшие годы которых давно позади. Фильм начинают и заканчивают образы мужественных солдат Красной Армии и моряков Красного Флота, выстроенных в шеренги, а также кадры с бесчисленными самолетами, танками, пушками и прекрасно экипированными бойцами, убедительно свидетельствующие о том, что вооруженные силы Страны Советов ни в чем не нуждаются. Используя съемки реальных маневров РККА, фильм успокаивал советских граждан, внушая им мысль, что руководство СССР тщательно готовится к предстоящей войне, которая скоротечно и без больших потерь пройдет на вражеской территории. Более того, будущая война воплотит в жизнь надежды на ранее обещанную всемирную социалистическую революцию.

Брэндон Шехтер
(р. 1982) – американский историк Второй мировой войны.

ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Когда война началась на самом деле, миллионы солдат-красноармейцев столкнулись с совершенно другой реальностью. Некоторое сходство с фильмом 1938 года все же было: враг дей-

1 Перевод осуществлен по: SCHECHTER B. *The Stuff of Soldiers: A History of the Red Army in World War II through Objects*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. P. IX–XIII, 1–16. Текст печатается с любезного разрешения автора и издательства. Названия статьи и отдельных ее разделов даны редакцией «Неприкосновенного запаса».

ствительно напал на СССР внезапно, а одна из сторон и вправду обладала неоспоримым преимуществом в самолетах и танках. К несчастью, это были враги – теперь явно немцы: сосредоточив бесчисленные армады на суше и в воздухе, они почти беспрепятственно продвигались в глубь советской территории. Захватчики оказались отнюдь не простаками, над которыми хочется посмеяться – напротив, их появление вселяло ужас, а жестокость выходила далеко за рамки того, что рисовало воображение коммунистических пропагандистов или советских обывателей: они без разбора разрушали, грабили, насиловали, убивали. Чтобы перенести конфликт на вражескую землю, Красной Армии потребовались годы – к тому времени бóльшая часть живой силы и военного снаряжения РККА, представленных в фильме 1938 года, уже была уничтожена. Война, которой, как надеялись режиссеры, предстояло завершить созидательную работу революции короткой и славной битвой, стала напоминать апокалипсис, из которого фашизм вполне мог выйти победителем.

Многие советские солдаты в 1941–1942 годах ощущали себя едва ли не безоружными. Страдавшие от недоедания, а то и вообще от голода, измученные безнаказанными атаками с воздуха, которым их собственная авиация противостоять не могла, они выходили навстречу вражеским танкам с винтовками и бутылками с зажигательной смесью, которые нередко вспыхивали прямо в руках. Красноармейцам пришлось столкнуться с ужасами современной войны, когда они были явно в невыгодном положении. Их противник был лучше вооружен, прекрасно накормлен и обучен методично убивать. В те трудные годы времени на подготовку солдат порой не было вообще: эта работа осваивалась по ходу дела, ценой множества человеческих жизней.

Одним из таких солдат, учившихся прямо в бою, был Даниил Гранин – молодой рабочий-еврей из Ленинграда, который служил политруком, а иногда и переводчиком, в наспех сколоченной дивизии народного ополчения. Позже он вспоминал свою первую встречу с немецким военнопленным, состоявшуюся в конце июля 1941 года. Молодые красноармейцы ожидали, что у них с пленником будет много общего: он был в том же возрасте, что и Гранин, и тоже вышел из рабочего класса. Однако, несмотря на свою неудачу, именно немец чувствовал себя хозяином положения:

«Он был молодой, высокий, белокурый, из-под расстегнутого мундира у него выглядывала белоснежная рубашка, сапоги у него сверкали, и раструбы кожаных перчаток торчали из-под ремня. Мы были с ним одногодки. Он стоял передо мной, расставив ноги, чуть покачиваясь, глядя куда-то поверх наших голов, на верхушки

деревьев. Я стал спрашивать его, он медленно, сощураясь, опустил взгляд на меня, усмехнулся и оглядел меня сверху донизу так, что мне стало стыдно – я почувствовал свои обмотки, драные ботинки б/у с веревочными шнурками, мою грязную гимнастерку, а главное, мои бутылки с горючей жидкостью, и старую винтовку, и гранаты РГ – чепуховые гранаты, от которых не было никакого толку, мой брезентовый подсумок, а проще – торбу с патронами. Я до сих пор помню возникшее под его взглядом ощущение тяжести этой торбы и своей неуклюжести, каким я был несолдатом и каким он был солдатом. Да, любому была видна разница, он был солдат, а мы ополченцы в неумело свернутых скатках, мы все выглядели какой-то толпой»².

Гранин ожидал, что немец одумается и поймет, что его реальными врагами являются Гитлер и буржуазия. Вместо этого, молодой политрук услышал, что он сам и его товарищи будут уничтожены по приказу фюрера. Пленник отказывался признать своих пленителей, он курил, выпуская дым в лицо Гранину и смеясь, когда тот кашлял. Ополченцы не смогли даже избить военнопленного – до такой степени их шокировало и оскорбило различие между тем, с чем они столкнулись, и тем, что, по их мнению, должно было бы быть. Гранин и его товарищи, в конце концов, отступили обратно в Ленинград, которому пришлось выдержать почти девятьсот дней блокады. А в других местах в то время окружались и захватывались целые города и армии.

Харис Якупов, молодой татарский художник, который начал армейскую службу еще до войны, описывал общий опыт попадания в окружение, пережитый им в 1941-м:

«“Мешок” – это жуткая вещь. Это орудия, ставшие бесполезными, – нет снарядов; это брошенные машины – для них нет ни дорог, ни горючего; это голодные спазмы в желудке и последний сухарь в сумке – негде взять продовольствие»³.

Оружие становилось бесполезным без боеприпасов, а солдаты делались беспомощными без еды. В конце концов, окруженные начинали полагаться только на то оружие и продовольствие, которые можно было отобрать у немцев. Якупов и его товарищи в любой момент могли попасть в плен, то есть разделить судьбу, постигшую в 1941–1942 годах миллионы советских солдат, большинство из которых умерли от голода в наскоро сколоченных лагерях, окруженных колючей проволокой. Якупову и нескольким его товарищам повезло: после нескольких недель блужданий по белорусским лесам они вышли к своим. К тому времени от их воинской части ничего

2 Гранин Д. *Наш комбат*. М.: АСТ, 2004. С. 218–219.

3 Якупов Х. *Фронтвые зарисовки: записки художника*. Казань: Таткнигиздат, 1981. С. 26.

не осталось – она рассыпалась на небольшие и неуправляемые отряды, пытающиеся лишь выжить.

В сентябре 1941 года на южный фланг растянувшегося на тысячи километров фронта прибыл Олег Реутов, студент-химик из Донецкой области, который начал вести военный дневник. Во время отступления через всю Украину он полностью отчаялся в будущем своей страны. Снова и снова он писал о том, что появления лишь нескольких немецких танков достаточно, чтобы посеять панику среди необстрелянных советских солдат. Он сетовал: «Из всех разговоров с командирами видно, что бойцы все-таки оставляют желать лучшего. Труслива, конечно, в первую очередь “деревня”. Особенно боятся минометов и танков». Своей бронетехники или авиации солдаты вообще не видели. Паника перед танковыми атаками врага и ужас, вызываемый его артиллерийским огнем, сделались главными темами дневника. Реутов отступал, оставляя за спиной хлебную житницу и промышленный центр СССР, включая и свой родной город. Его переполняли бессилие и ярость. К концу ноября он решил: «Выжить лично мне шансов мало»⁴. Как известно, немецкие планы в отношении Советского Союза предполагали колонизацию захваченных территорий, при которой местных жителей в лучшем случае ждала бы участь рабов, хотя более вероятным было полное истребление.

Примерно в то же время, когда бедственное лето 1941-го подходило к концу, артиллерист Николай Иноземцев, чья разгромленная часть смогла получить подкрепление людьми и техникой, писал об охватившем его смешанном чувстве стыда и гордости:

«Горечь отступления, горечь позора за свою страну (вспомни: “Мы – непобедимы”, “Если завтра война”, и пр., и пр.), сознание многих недостатков нашего строя и уклада жизни, обида за прерывающуюся в самом начале собственную жизнь – казалось бы, переполнили душу, пригнули морально к земле, – и все-таки хочется выпрямиться и крикнуть: “А жизнь чертовски хороша!” Именно потому, что мы так любим жизнь, мы и спокойно относимся к смерти: до конца оставаться самим собой, ни одного дня и часа не отравлять сознанием собственной трусости и мелочности, умереть – так гордо»⁵.

Но гордых людей, готовых, подобно Иноземцеву, жертвовать своими жизнями, было бы недостаточно, чтобы выиграть войну. Для того чтобы солдаты, подобные Реутову, Якупову, Гранину, да и само их государство – Советский Союз – сумели выжить, для того, чтобы мужчины и женщины, несущие служ-

4 РЕУТОВА Т. *Гвардеец. Ученый. Дипломат. Фронтовые дневники академика Реутова*. М.: Звонница – МГ, 2011. С. 43, 45, 49.

5 ИНОЗЕМЦЕВ Н. *Фронтовой дневник*. М.: Наука, 2005. С. 64.

бу в Красной Армии, снова увидели своих близких, миллионам их сограждан из всех слоев общества (включая «трусливую деревню» – крестьян, составлявших большинство населения и подвергнутых безжалостной эксплуатации ради модернизации СССР) и из всех уголков страны нужно было научиться с готовностью и тщанием применять инструменты войны.

В 1941-м армия еле держалась. Миллионы солдат в отчаянии сдались на милость врага. Реутов со стыдом передавал рассказы очевидцев о бесконечных колоннах советских военнопленных, сопровождаемых всего несколькими немцами, а также сообщения о том, что его земляки переходят на вражескую сторону⁶. Профессиональные кадры, начинавшие войну, пережили настоящую децимацию, а РККА была полностью переукомплектована. В 1942 году, сначала остановив немцев на подступах к Москве, а потом и отбросив их, советские войска тем не менее вновь были вынуждены отступить в глубь своей территории. Отчаянно пытаясь вооружить и мотивировать своих солдат, советское правительство всеми силами упрощало и ускоряло производство снаряжения и боеприпасов, а также чеканило новые медали, побуждавшие военнослужащих к подвигам.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО:
ВОЙНА, ЛЮДИ И ВЕЩИ

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Красной Армии удалось остановить врага под Сталинградом. После того, как ее контрнаступление увенчалось полным успехом, став поворотным моментом войны, армию решили преобразить. На запад красноармейцы шли в новой униформе и с новыми знаками отличия, заимствованными из царских времен, они были вооружены и накормлены, а также обладали давшимся столь дорого опытом победителей. Летом 1943 года армия выстояла в ходе масштабного контрнаступления вермахта – последнего на Восточном фронте. Якупов в те дни сравнивал мертвых немцев с саранчой: они были такими же многочисленными и при жизни такими же хищными⁷. С этого момента Красная Армия неустанно наступала, сначала к границам 1941 года, а затем и за их пределы, в странный мир капитализма.

В июне 1944-го Иноземцев уже мог записать в своем дневнике, что ситуация на фронте «больше напоминает прекрасно организованный военный парад, чем войну». Он понимал, что лишь немногие бойцы, начинавшие войну, дожили до того момента, чтобы стать «свидетелями этих колоссальных изменений», и с чувством констатировал:

6 РЕУТОВА Т. *Указ. соч.* С. 56.

7 ЯКУПОВ Х. *Указ. соч.* С. 63.

«Насколько легче стало воевать! [...] Да, теперь мы сильны, теперь мы – великая непобедимая армия, достойная своей Родины, вызывающая всеобщее восхищение во всем честном мире!»⁸

Война есть история этой драматичной перемены – от отчаявшихся и отступающих толп к победоносной армии, – запечатленной в живом солдатском опыте. Период 1941–1945 годов воплотил в реальную жизнь универсальный миф о «превращении пестрой и разрозненной толпы в священную и победоносную армию», который стал главным тропом большевизма⁹. Отчасти именно поэтому одним из военных гимнов СССР сделалась «Священная война». Тем не менее к сакральному постоянно примешивалось и профанное – человеческие слабости, грязь и кровь, а также множество мирских предметов, без которых воевать было бы невозможно: ложки, лопаты, винтовки и многое другое. Подлинную историю войны вполне можно представить как историю предметов и вещей, обращение с которыми пришлось освоить, чтобы победа оказалась достижимой. Чтобы стать настоящими солдатами, людям, подобным Гранину, Якупову, Иноземцеву и Реутову, нужно было привыкнуть к своей скромной униформе, научиться маленькими лопатами копать большие окопы и, главное, – освоить науку убивать из любых видов оружия.

Именно приобщение к особой предметности превращало вчерашних штатских в нынешних солдат: это происходило по мере того, как они впервые примеряли военную форму, учились ухаживать за своим оружием и пользоваться им, осваивали упаковку солдатских вещмешков и рытье землянок. С началом их службы все эти вещи – оружие, которое им выдавалось; форма, которую они носили; землянки, в которых они жили; армейские пайки, которыми они питались, – проводили четкую границу между солдатской и гражданской жизнью. А для «нерусских» солдат – так именовали тех красноармейцев, которые не являлись славянами, – первыми словами, выученными на русском языке, становились «винтовка», «граната» и «лопата»¹⁰. Этот предметный ряд был настолько важен для аккультурации бойцов, что в качестве пароля, допускающего на территорию военной зоны, обычно выбиралось что-нибудь из списка армейских вещей¹¹. Эти объекты были мирским сырьем, из которого лепились сакральные события войны.

8 Иноземцев Н. Указ. соч. С. 172.

9 SLEZKINE Y. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 606 (рус. перев.: Слезкин Ю. *Дом правительства. Сага о русской революции*. М.: АСТ; Corpus, 2020).

10 Подробнее см.: SCHECHTER B. «*The People's Instructions*»: *Indigenizing the Great Patriotic War among «Non-Russians»* // *Ab Imperio*. 2012. № 3. P. 109–133.

11 См.: *Пособие для бойца-танкиста*. М.: Воениздат, 1941. С. 39.

сегрегированного общества тесно соприкасались друг с другом. Кроме того, посредством казенного имущества советское руководство и его бойцы решали множество прагматических и символических проблем – начиная с того, как выжить при бомбардировке, и заканчивая тем, какие аспекты прошлого можно использовать на благо победы. Фокусировка внимания на материальной культуре способна одновременно обнажить этнографический срез красноармейского быта и раскрыть суть тех перемен, которые война вносила в смысл советского проекта и советского гражданства¹⁴.

Объекты обеспечивают и упорядочивают человеческие действия, причем как в индивидуальном, так и в социальном масштабе¹⁵. От Прометея и до наших дней умение изготавливать и использовать сложные орудия выделяло представителей *homo sapiens* из рядов прочих животных, позволяя людям выживать. Предметы, которые создавались людьми, всегда несли в себе определенные смыслы. Они способны скреплять социальные сети и нести в себе либо нарочито заложенные, либо исторически случайные ассоциации – как это происходит с профилями на монетах, логотипами на футболках или синими джинсами, превратившимися из пролетарской одежды в предмет высокой моды¹⁶. Материальная культура Красной Армии тоже должна трактоваться как инструмент и носитель смысла. Красноармейцев порой изображают в виде либо безликой варварской орды, либо когорты героев с квадратными челюстями, которых следует отливать в бронзе. Но сосредоточенность на повседневности выводит на первый план тот факт, что эти исторические акторы были очень и очень человеческими; они и ели, и спали, и испражнялись. Они не были ни святыми, ни монстрами, но являлись продуктами своего социума и человечества в целом со всеми их плюсами и минусами.

ВЕЩНОСТЬ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНОСТИ

Солдаты Красной Армии были «современными» людьми, гражданами государства, которое на протяжении XX века модерни-

- 14 Следует заметить, что гражданство отнюдь не обязательно подразумевает либеральную демократию. Как утверждает Янни Коцонис, «гражданство можно трактовать не только как наделение определенными правами, но и как принудительное включение в строительство интегрированного и научно понимаемого общества»: KOTSONIS Y. *Introduction: A Modern Paradox – Subject and Citizen in Nineteenth- and Twentieth-Century Russia* // HOFFMAN D., KOTSONIS Y. (Eds.). *Russian Modernity: Politics, Knowledge and Practices, 1800–1950*. New York: Palgrave, 2000. P. 9.
- 15 LATOUR B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. New York: Oxford University Press, 2005. P. 68 (рус. перев.: ЛАТУР Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Высшая школа экономики, 2014).
- 16 См., например: AUSLANDER L. *Cultural Revolutions: Everyday Life and Politics in Britain, North America, and France*. Berkeley: University of California Press, 2009. P. 20.

зировалось, пожалуй, наиболее целеустремленно и решительно. Феномен модерности – сущность невнятная и ускользающая, безнадежно тонущая в морях чернил, пролитых в ходе его описания¹⁷. Модерность неизменно ориентирована в будущее, а приобщение к ней превращается в важнейший критерий оценки общественных процессов. Ее практики ссылаются на традицию Просвещения, согласно которой человечество способно к самосовершенствованию. «Цивилизованными» людей делает государство, желающее построить рациональное общество. «Цивилизованная личность» отличается способностью к самодисциплине, умением функционировать в рационализованном обществе и преданностью общественным ценностям – причем независимо от того, каким содержанием таковые наделяются. Для советского гражданина это означало быть приверженцем социализма: впрочем, применительно к повседневной жизни это понятие тоже оказывалось не вполне четким¹⁸. Со временем сталинизм выработал собственный набор практик, в которых воплощалось его самобытное понимание модерности и цивилизующих процессов. Как правило, любые вещи маркируются нашим сознанием в качестве либо современных, либо несовременных. Дороги, туалеты, еда, одежда, компьютеры, оружие – все это вызывает эмоциональную реакцию, зачастую сопровождаемую высокомерным или пренебрежительным отношением к вещам, сопрягаемым с отсталостью. Из подобных реакций следует, что модерность нередко вбирает в себя свод представлений о том, каким образом людям надлежит меняться перед лицом вызовов, формируемых технологическими, экономическими и политическими переменами. С самого запуска советского проекта его отличал повышенный интерес к тому, как посредством предметов быта и телесных практик можно преобразовывать советского человека¹⁹. Советская разновидность модерности сражалась с отсталостью, воплощением которой выступала деревня, и за победу над капитализмом, представленным окружающими СССР вражескими государствами.

Советский Союз определял себя через противопоставление своей системы отношениям собственности, существовавшим в остальном мире. Соответственно, понятия, описывающие

БРЭНДОН ШЕХТЕР

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО:
ВОЙНА, ЛЮДИ И ВЕЩИ

17 См., например: DAVID-FOX M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2015. P. 1–71.

18 ELIAS N. *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. New York: Urizen Books, 1978 (рус. перев.: Элиас Н. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. М.; СПб.: Университетская книга, 2001); KOTSONIS Y. *Op. cit.* P. 1–16; VOLKOV V. *The Concept of Kul'turnost': Notes on the Stalinist Civilizing Process* // FITZPATRICK S. (Ed.). *Stalinism: New Directions*. New York: Routledge, 2000. P. 216; КОТКИН S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 356.

19 Как известно, Маркс утверждал, что «бытие определяет сознание» (МАРКС К. *К критике политической экономии*. М.: Гослитиздат, 1949. С. 7).

имущественные аспекты жизни, отличались от аналогичного понятийного ряда в капиталистических странах. Все основные формы производства в СССР контролировались правительством, а частная собственность²⁰ оставалась слабым институтом: большая часть жилого фонда, а также прочего имущества, которым пользовались граждане, принадлежала государству. Собственность любой формы могла оказаться конфискованной, если кто-то выступал против социалистической законности; порой оказаться врагом было очень легко – стоило лишь родиться в лоне «неправильного» класса или «неправильной» этнической группы. Из-за масштабного разрушения социальной инфраструктуры в ходе Первой мировой и гражданской войн, а также вследствие превратностей плановой экономики тотальный дефицит оставался повсеместным явлением. Общество, пребывавшее в состоянии перманентной мобилизации, делало упор на сегодняшних жертвах ради завтрашнего светлого будущего. Доступ к товарам повседневного спроса увязывался со статусом внутри категориальной рамки, задаваемой классом, партийностью, а также должностью. В системе товарного голода и государственного патернализма приобретение товаров происходило не так, как в капиталистических экономиках: привилегии и связи здесь были гораздо важнее денег²¹.

В советском обществе в целом и в Красной Армии в частности материальные предметы и объекты отражали отношения, складывавшиеся между властью и гражданами, и могли служить как маркерами статуса, так и инструментами корректировки привычек и взглядов²². Некоторые предметы – например, погоны царских офицеров, шляпы-котелки буржуазных «жирных котов», жилеты или ситцевые рубахи «кулаков», облачения священнослужителей – стали маркерами врагов, отправляемых на «свалку истории»²³. Государство натравливало своих граждан на те или иные социальные категории (на буржуазию в 1918-м или на «кулаков» в 1929–1930 годах), позволяя им участвовать в экспроприации вражеских богатств, но при этом наказывая (по крайней мере в теории) тех, кто сам пытался обогатиться в этом процессе. И, напротив, другие предметы – в их ряду можно упомянуть трактора, мыло, радио, книги, городские наряды – служили индикаторами советского Просвещения. Накануне вой-

20 Таким образом автор называет не «частную», а «личную» собственность, разрешенную в СССР. – *Примеч. ред.*

21 FITZPATRICK S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999. P. 10–13 (рус. перев.: Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. М.: РОССПЭН, 2008).

22 Volkov V. *Op. cit.* P. 217–221.

23 См.: VIOLA L. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York: Oxford University Press, 1996. P. 35 (рус. перев.: Виола Л. *Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления*. М.: РОССПЭН, 2010).

ны буквально все новшества – от новостроек и московского метро до сосисок – превозносились в качестве доказательств того, что новый режим способен заботиться о народе и приумножать *культурность* советских людей. Культурность была качеством, которое могло накапливаться, если человек приобретал правильные вещи и нужные познания²⁴. Правда, доступ к основному массиву плодов большевистского изобилия был открыт лишь тем, кто жил в больших городах, право на пребывание в которых регламентировалось пропиской. Более того, внутри этих относительно привилегированных урбанистических оазисов у членов партии имелись особые права. Распределение материальных благ стало ключевым элементом советской управленческой системы; коммунистическое правительство не стеснялось оказывать благосклонность одним социальным группам, оставляя другие группы на произвол судьбы²⁵. Впрочем, когда пришла война, Советский Союз обнаружил себя в условиях, не благоприятствующих подобной селекции.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО:
ВОЙНА, ЛЮДИ И ВЕЩИ

В советском обществе в целом и в Красной Армии в частности материальные предметы и объекты отражали отношения, складывавшиеся между властью и гражданами, и могли служить как маркерами статуса, так и инструментами корректировки привычек и взглядов.

В военные годы армия как организация, занимающаяся защитой государства и населения, пользовалась приоритетом в снабжении все более скудными ресурсами, тающими по мере того, как территории сначала захватывались вермахтом при наступлении, а потом опустошались им при отступлении. Но, даже несмотря на колоссальные лишения, навязанные Советскому Союзу войной, символическая нагрузка предметного мира оставалась настолько важным элементом, что порой она оказывалась главнее практического назначения вещей. Например, Красная Армия основательно обновила обмундирование и экипировку своих бойцов в тот самый момент, когда война казалась проигранной. Убеждая солдат в том, что они обязаны защитить государство и выиграть войну, правительству приходилось наделять смыслом любые элементы вещного мира.

²⁴ Volkov V. *Op. cit.* P. 212, 217–218, 220–225.

²⁵ Kotkin S. *Op. cit.* P. 246.

Ложки, портянки и великая победа

Формально солдаты не владели всем разнообразием выдаваемых им вещей, но тем не менее они могли пользоваться ими почти как полноправные владельцы. Военнослужащего могли расстрелять за потерю оружия, отправить в тюрьму или в штрафную часть за уничтожение или кражу государственного имущества. При этом, однако, солдаты оставались вооруженными индивидами, которые самостоятельно распоряжались тем, что им выдавалось: они меняли или продавали пайки и элементы обмундирования или же выбрасывали экипировку, которую считали бесполезной – противогазы, каски, штыки. Солдат призывали к бережному обращению с казенным имуществом, они учились поддерживать снаряжение в порядке, обслуживать и чинить его, а также импровизировать, чтобы делать свой быт более терпимым. В свободное время они, собираясь вместе, пытались приготовить что-нибудь вкусное на полевых кухнях, организовывали окопные парикмахерские или мастерили лампы-коптилки из пустых консервных банок и снарядных гильз.

Война стала историей о том, как великое множество людей, вышедших в основном из деревни и руководимых властью, которая относилась к крестьянству с глубочайшей враждебностью, попав в определенную вещную среду и «приручив» ее, смогли победить «третий рейх»²⁶. Крестьянское происхождение тех, кто пополнял армейские ряды, накладывало отпечаток на предметы, которые они несли с собой. Их обмундирование состояло из подогнанных под военные нужды элементов крестьянской одежды, начиная с нательных рубах и заканчивая архаичными портянками, которые применялись вместо носков. Основу их питания составляли крестьянские рационы народов СССР, причем чаще всего бойцы ели крестьянской деревянной ложкой, которая была символом не только отсталости, но и разложения²⁷. Вещмешки у них за плечами были традиционными крестьянскими котомками. Сталкиваясь с какой-то иностранной вещью, они проявляли эмоциональную смесь презрения и восхищения, которая отличает носителей крестьянских или социалистических ценностей. Война была также историей о том, как менялось солдатское восприятие советской власти и товарищей по оружию, как сам политический режим корректировал собственное отношение к историческому прошлому

26 О центральной роли крестьянства в советском опыте см.: LEWIN M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York: Pantheon, 1985. P. 11–18. О враждебности крестьянства к советской власти см.: VIOLA L. *Op. cit.* Ch. 1.

27 ENGELSTEIN L. *Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905* // *Representations*. 1986. № 14. P. 169–208.

и своим гражданам. Василий Теркин – самый популярный, по-видимому, литературный персонаж, рожденный войной, – был явно крестьянином²⁸. Советское руководство с готовностью использовало традиционные символы типа крестьянских изб или сельских церквей, особенно разрушенных, чтобы поднимать солдат на защиту «священного» и «древнего». И действительно, религиозные институты, имеющие ключевое значение для дореволюционной крестьянской жизни, в годы войны переживали своеобразный ренессанс. Но дело не ограничивалось лишь облагораживанием крестьянства. Дворяне, столпы «старого строя», причислялись к пантеону советских героев, а сама «отечественная» война и вся сущность советского проекта интерпретировались с привлечением образов и сюжетов дореволюционной истории и русского имперского символизма. Ключевые символы старого режима возрождались в медалях и знаках отличия. То, что прежде считалось отсталым, теперь переносилось в современность.

Для того чтобы понять важность вещных аспектов этой истории, следует учитывать центральное место войны в советском опыте. Советских граждан независимо от того, где они росли – в Советском Союзе, Российской империи или же республиках, образовавшихся после Первой мировой, – захлестнула самая эпическая, трагичная и парадоксальная битва человеческой истории. Великая Отечественная была одной из самых ожидаемых войн, но началась она с внезапного нападения. Захватив власть осенью 1917 года, большевики неустанно ждали момента, пока противоречия капитализма приведут к всеобщей войне и мировой революции. Тем не менее их глубоко шокировало, что «третий рейх», заключивший договор с СССР именно для того, чтобы начать Вторую мировую войну, вдруг вторгся на советскую территорию. Начавшаяся война почти разрушила Советский Союз, но одновременно сделала основой его легитимности. Партия марксистов-интернационалистов, посвятившая себя мировой революции, теперь вела Великую Отечественную войну, сознательно отсылая к эпической Отечественной войне, погубившей Наполеона и оказавшейся ключевым легитимирующим триумфом «старого режима». Торжество 1945-го упрочило и распространило советскую систему, интегрировав героев российского имперского прошлого в пантеон славы прогрессивного человечества. Это стирало границы между «российским» и «советским», но одновременное вовлекло в советский проект миллионы «нерусских» в невиданных ранее масштабах. Огромное число людей, которые в 1941 году были изгоями, в 1945-м оказались в почете; парал-

БРЭНДОН ШЕХТЕР

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО:
ВОЙНА, ЛЮДИ И ВЕЩИ

28 Твардовский А. *Василий Теркин. Книга про бойца*. М.: Детская литература, 1977.

лельно шел и обратный процесс. В институции, именовавшей себя «рабоче-крестьянской» Красной Армией, этническая принадлежность все чаще подменяла классовое происхождение в качестве ключевого фактора, посредством которого определялась лояльность. В конечном счете это войско «любителей», состоявшее в основном из крестьян, победило самую профессиональную, современную и наводящую ужас армию, которая к тому моменту уже завоевала Европу.

* * *

Война может рассматриваться как история индивидуальной и политической трансформации, отражающейся в повседневных вещах и предметах. Эти объекты были одновременно универсальными и персональными; в них запечатлевались смыслы, предписываемые властями и приписываемые самими солдатами. Одним из таких предметов стала простая ложка, принадлежавшая участнику битвы за Москву. Оправляясь от ран в госпитале неподалеку от столицы, старшина Николай Павлович Доня осенью 1941 года получил редкую возможность увидеться с женой. Он отдал ей ложку, на которой было вырезано: «На память о днях: 1.1.38; 22.5.39; 10.7.41; 17.8.41; 19.10.41; 5.11.41». Это были вехи их совместной жизни – день свадьбы, дни рождения сына и дочери, день его призыва в армию и день их последней встречи в госпитале. Через месяц он пал в бою, став одним из более чем 8,5 миллионов красноармейцев, погибших на фронте²⁹. Тот факт, что он подарил жене именно ложку, – один из немногочисленных и интимных предметов, которыми солдаты Красной Армии по-настоящему владели, – говорит о многом. Именно в минуты приема пищи солдаты, оценивая свое положение, понимали, что они еще живы. Позже эта ложка сделалась семейной реликвией, незримо связавшей с погибшим героем его детей, так и не успевших узнать своего отца. То был один из многих миллионов предметов, которые не просто молчаливо свидетельствовали о войне, но и позволяли людям воевать.

Авторизованный перевод с английского Андрея Захарова, доцента факультета истории, политологии и права РГГУ

29 *Последние письма с фронта: 1941.* М.: Воениздат, 1991. Т. 1. С. 336.